

А.А. Смирнов

Романтизм в лирике Жуковского

Во второй половине 1810-х — начале 1820-х в творчестве Жуковского усиливаются романтические тенденции. Одним из важнейших романтических манифестов Жуковского является стихотворение «Море» (1822).

Поначалу элегия кажется лишь пейзажной зарисовкой. Поэт с берега очарованно взирает на южное летнее море. Но пейзаж оказывается странным, в нем нет конкретности: безмолвное море и светлое небо соседствуют с темными тучами и беспокойными волнами, в чреде которых попеременно возникает то утренний, то вечерний свет. Источником очарования лирического «я» становятся изменения в «поведении» природных стихий. Обладая исключительной отзывчивостью на эти изменения, поэт в своих ощущениях становится как бы зеркальным отражением природы. «Я» и природа существуют в процессе этих изменений как одно целое.

За пейзажным полотном явственно скрывается иносказание. Море близко душе поэта так, как могут быть близки друг другу равноправные и равновеликие стихии: морская бездна и бездна лирического «я». Аналогично тому, как море отражает в своих волнах лазурь неба и блещет светом его звезд, как оно тянется к небу из «земной неволи», человек не может существовать без того, что выше его и что дает ему право на жизнь. «Смятенная любовь» и «тревожная дума», таящиеся в глубине моря, обращены к «далекому светлому небу» и вне этой устремленности лишены сколько-нибудь возвышенного начала. Жизнь моря предстает у Жуковского в свете ирреальной устремленности «мировой души» ко всеобщему единству и целостности, которую не удастся восстановить. Море «чисто» чистотой неба, лазурно его «светозарной лазурью». Когда небо «ласкают» золотые облака, оно «радостно блещет» звездами неба, когда же налетает буря, то «бьется» и «воет», потому что «темные тучи» хотят отнять у него «ясное небо».

Для Жуковского, в отличие от Пушкина и Байрона, море не является символом свободы, а олицетворяет неволю, плен, печаль и тоску.

Для понимания своеобразия романтизма Жуковского целесообразно сопоставить «Море» Жуковского и «К морю» Пушкина. Первый внешне остается в рамках «пейзажной» лирики, Пушкин же выходит за ее пределы и отдается гражданским и общесоциальным размышлениям. Общность исходной ситуации — лирический субъект созерцает морскую стихию и олицетворяет ее, обращаясь к ней как к одухотворенному существу, — снимается различным осмыслением сущности стихии: «пушкинское» море — принципиально «свободная стихия», блещущая «гордой» и «торжественной» красотой. Пушкин проводит отчетливую параллель между «морем» и «умчавшимся» гением Байрона, равновеликими в своей непокорной стихийности. Подобное сопоставление открывает возможную перспективу дальнейшего поведения лирического субъекта стихотворения: море как свободная стихия может стать путеводной нитью для того, чтобы «навсегда оставить... скучный неподвижный берег» и восторженно совершить «поэтический побег» «по хребтам» морских волн. При сходстве поэтической тематики проблематика двух романтиков оказывается различной — Жуковский лелеет «таинственную сладость жизни», а Пушкин протестует против гражданской неволи в свете романтически понимаемой стихии свободы. Пушкинское понимание моря носит более конкретный характер, поскольку не отождествляется с лирическим героем, а служит ему лишь путеводным началом. У Жуковского море — безмолвная бездна, у Пушкина — стихия, взывающая к действительному обнаружению душевных волнений, красота у Жуковского «встревожена», у Пушкина пребывает в торжественном покое.

Жуковский открыл новое понимание принципа поэтической субъективности. Выражение процессуального характера душевной жизни поэтического «я» составляет лирический феномен Жуковского. Жуковскому обязана русская лирика открытием утонченного анализа сознания человека в его эмоциональной изменчивости, в прихотливой динамике. Напряженный драматизм балладного жанра, самоуглубление в элегической мечте, психологическая утонченность в лирической песне — вот главные достижения Жуковского-романтика. Он предельно отчетливо выразил сущностные основы элегического романтизма: тоска в разлуке, томление по встрече с возлюбленной, растворение сознания в воображении и мечте. Он достиг в рамках лирического рода последовательной эстетизации жизненных явлений. Стремление его романтического героя к возвышенному и величественному идеалу расширяло возможности (для последующих этапов русской поэзии) отображения самоуглубления, внутренней рефлексии, исповедальности.